

Елена Степанова

БОГОСЛОВИЕ СВОБОДЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Религиозная вера и христианское учение были предметом особого интереса Толстого в течение всей его жизни, и в интерпретации им веры и христианского учения в высшей мере проявилось его свободолюбие, став ее основным мотивом и содержанием. Толстой прошел огромный путь в обретении веры, и этот путь был для него равнозначен поиску смысла жизни. Вера в понимании Толстого – это средство обретения своего подлинного «я». Богословие свободы Толстого основано на взаимосвязанных принципах: вера есть жизнь в перспективе бесконечности, она освобождает человека от временности мира сего и тем самым от страха смерти; христианство делает человека свободным, поскольку основывается на единственной истине – любви как сущности Бога и человека; любовь является движущей силой свободы

Ключевые слова: христианство, Толстой, свобода, вера, любовь, религия, веротерпимость.

В статье «Нравственная личность Толстого» (2011) Н.О. Лосский дал Льву Николаевичу чрезвычайно важную характеристику: «С начала и до конца Толстой проявляется как существо, не выносящее никаких пут, особенно внутренних. Свободолюбие есть органическое свойство его души, столь глубокое, столь основное, что оно входит как элемент во все его интересы и во все даваемые

им решения проблем»¹. Несомненно, религиозная вера и христианское учение были предметом особого интереса Толстого в течение всей его жизни, хотя и в разной степени, и в его интерпретации веры и христианского учения это свободолобие проявилось в высшей мере, став ее основным мотивом и содержанием. Ниже я постараюсь подтвердить характеристику Лосского на примере представлений Толстого о вере и о сущности христианства и проанализировать значение этих представлений для нас сегодня.

ВЕРА КАК ПУТЬ К БЕСКОНЕЧНОМУ

Толстой прошел огромный путь в обретении веры, и этот путь был для него равнозначен поиску смысла жизни. Путь этот детально описан в таких произведениях, как «Исповедь» (1879 г.) и «В чем моя вера?» (1882 г.). В соответствии с темой этой статьи важно подчеркнуть следующее: в поисках веры Толстой последовательно подверг критическому анализу все ранее выработанные человечеством варианты ответа на вопрос о смысле жизни и подобно Декарту убедился в том, что достоверно существует только «я»², но «я» страдающее, лишенное доступа к искомому смыслу. Все понятия – о боге, свободе, добре – и все ранее выработанные человечеством способы ответа на вопрос о смысле жизни – наука, философия, религия – были подвергнуты Толстым тщательному исследованию, о чем он писал так: «Я, откинув всю эту работу всего человечества, хочу все сам один сделать по-новому и по-своему»³. В результате остался последний, предельный вопрос: есть ли в жизни «такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»⁴ Предельный ответ на него, который дает Толстой, заключается в

¹ Н.О. Лосский, «Нравственная личность Толстого», в: *Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, СПб: Издательство РХГА, 2000, с. 230.

² В 1875 г. в работе «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни» Толстой писал: «Не знаю, в какой степени точно выражение Декарта: я мыслю, потому я живу; но знаю, что, если я скажу: я знаю [*несомненно одно*] прежде всего себя: то, что я живу, – то это не может быть не точно. Первое знание есть сознание своего объединения от всего остального мира. Это объединение мы называем жизнью» (Л.Н. Толстой, Полное собрание сочинений [далее ПСС], т. 17, с. 351).

³ Л.Н. Толстой, «Исповедь», в: *ПСС*, т. 23, с. 37.

⁴ Там же, с. 16.

следующем: вера – это «знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет»⁵. Этот смысл не может заключаться в каком-либо учении, предлагаемом наукой, философией или религией, поскольку в этом случае он является ничем иным как «призрачностью конечного»⁶. Смысл, который не уничтожается ничем, поскольку выходит за пределы всего, может быть только смыслом бесконечного: «Всякий ответ веры конечному существованию человека придает смысл бесконечного, – смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью»⁷.

Вера, без которой, согласно Толстому, жизнь невозможна, не есть надежда на осуществление ожидаемого и доверие к свидетельству истины, но она есть «внутренняя неизбежность убеждения, которая становится основой жизни»⁸, «душевное состояние»⁹, являющееся ощущением бесконечного. Такая вера направляет деятельность человека, ставит его в строго определенное положение к миру и диктует его повседневное поведение, в результате чего «он естественно поступает соответственно этому положению»¹⁰. Эта вера никогда не бывает неразумной, несогласной с существующими знаниями, она не содержит в себе ничего противного разуму, а, наоборот, разъясняет все, что без нее представляется неразумным и противоречивым¹¹. Разуму нельзя не верить, потому что он дан че-

⁵ Л.Н. Толстой, «Исповедь», в: *ПСС*, т. 23, с. 35.

⁶ Там же, с. 33-34.

⁷ Там же, с. 35.

⁸ Л.Н. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», в: *ПСС*, т. 24, с. 795.

⁹ Л.Н. Толстой, «Что такое религия и в чем сущность ее?» в: *ПСС*, т. 35, с. 170.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: там же, с. 171-172. Я не буду здесь углубляться в интерпретацию понятия «разум» у Толстого, поскольку это отдельная большая тема, о которой писали многие авторы. Замечу только, что обвинение Толстого в рационализме (см., например: Н. Бердяев, «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л.Толстого», в: *Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей*, с. 243-263) не имеет под собой никаких оснований, поскольку Толстой вообще не придерживался традиционной дихотомии разума и чувств и рационально и иррационального; для него разум являлся единственным и естественным способом восприятия жизни, данным Богом человеку. Подробнее о соотношении веры и разума у Толстого см.: М.Л. Гельфонд, «Вера как стратегия жизни (Размышления о природе веры Л.Н. Толстого)», в: *Этическая мысль*, вып. 9, М., 2009, с. 65-84. См. также указание на сложность перевода толстовского термина «разумение» на английский язык у И. Меджибовской, которая разъясняет, что этот

ловеку Богом и происходит из той самой бесконечности, которая делает веру возможной. По мысли Толстого,

*человек пришел в мир не по своей воле, а потому и должен жить не по своей воле, а по воле Того, Кто его послал в мир. Для того же, чтобы человек знал то, чего от него хочет Тот, Кто его послал в мир, Он вложил в него разум, посредством которого человек всегда, если он точно хочет этого, может знать волю Бога, т. е. то, чего хочет от него Тот, Кто послал его в мир... Разум старше и достовернее всех писаний и преданий; он был уже тогда, когда не было никаких преданий и писаний, и он дан каждому из нас прямо от Бога*¹².

Вера – это единственное основание человеческой свободы, поскольку она освобождает от страха смерти и зависимости от конечных, порабащающих человека сущностей: «Дух это то, что живет в тебе, и живет свободно и разумно, и то, чему ты не знаешь ни начала, ни конца. И это чувствует в себе всякий человек»¹³. Именно этот дух Бога в человеке дает ему свободу выбора как выражение подлинной человеческой сущности, тем самым делая человека тем, кем он должен быть. В труде «Соединение и перевод четырех Евангелий» Толстой так трактует слова Иисуса о царстве Божьем:

Каждый человек, кроме своей плотской жизни, кроме понятного ему зачатия от плотского отца в утробе плотской матери, сознает в себе дух свободный, разумный и независимый от плоти. Этот-то дух бесконечный и исшедший из бесконечного, есть начало всего и то, что мы называем Богом. Мы знаем его только в себе. Этот дух есть начало нашей жизни, и его надо поставить выше всего, им надо жить. Сделав этот дух основой жизни, мы получаем истинную, бесконечную жизнь¹⁴.

Итак, вера есть осознанное человеком отношение к бесконечному¹⁵, жизнь в перспективе бесконечности. Такое открытие веры

термин включает в себя сознание, способность и воление (Inessa Medzhibovskaya, *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887*, Lexington Books, 2009, p. 201).

¹² Л.Н. Толстой, «Письмо В. К. Заволокину, 17 декабря 1900 г.», в: *ПСС*, т. 72, с. 527, 529.

¹³ Л.Н. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», в: *ПСС*, т. 24, с. 191.

¹⁴ Там же, с. 832.

¹⁵ Самым близким к пониманию Толстым веры является определение религии у Ф. Шлейермахера: это «чувство и вкус к бесконечному»: «Религиозное мышле-

в себе, безусловно, не может не приводить к полному пересмотру всех ценностей и приоритетов. Этот пересмотр должен быть подлинным покаянием, которое заключается в том, чтобы

изменить совершенно оценку своего положения и своей деятельности: вместо полезности и серьезности своей деятельности признать ее вред и пустяшность, вместо своего образования признать свое невежество, вместо своей доброты и нравственности признать свою безнравственность и жестокость, вместо своей высоты признать свою низость¹⁶.

Вера как ощущение бесконечного в человеке есть способ обнаружения Бога. Толстой неоднократно подчеркивал, что сначала надо обрести веру, а потом Бога, но не наоборот¹⁷. Обретение Бога начинается с чувства сиротства и одиночества¹⁸, потери веры в себя и надежды на чью-то помощь, но пока Бог остается внешним объектом, на который направлена вера, он на самом деле только все больше удаляется от человека¹⁹. В конечном счете, пишет Толстой, Бога можно познать только в своей душе, но лишь в той мере, в какой он открывается человеку²⁰, а вместе с Богом найти и самого

ление есть лишь непосредственное сознание, что все конечное существует лишь в бесконечном и через него, все временное – в вечном и через него... [Религия – Е.С.] не есть знание и познавание – ни мира, ни Бога; такое знание она лишь признает, не отождествляя себя с ним; оно есть для нее также движение и откровение бесконечного в конечном, которое, подобно всему остальному, она видит в Боге и в котором она видит Бога» (Ф. Шлейермахер, *Речи о религии к образованным людям ее презиращим. Монологи*, «REFL-book» «ИСА», 1994, с. 80). В статье «Что такое религия и в чем сущность ее» Толстой относит Шлейермахера к тем людям, не лишенным «способности высшего, т. е. религиозного сознания, отличающего человека от животного» (*ПСС*, с. 35, с. 161). Ср. там же с определением Толстого: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками» (*ПСС*, т. 35, с. 163).

¹⁶ Л.Н. Толстой, «Так что же нам делать?», в: *ПСС*, т. 25, с. 378.

¹⁷ См.: Л.Н. Толстой, «Исповедь», в: *ПСС*, т. 23, с. 35.

¹⁸ См.: там же, с. 43.

¹⁹ «И опять этот отдельный от мира, от меня бог, как льдина, таял, таял на моих глазах» (Л.Н. Толстой, «Исповедь», в: *ПСС*, т. 23, с. 45).

²⁰ См.: Л.Н. Толстой, «Единая заповедь», в: *ПСС*, т. 38, с. 104. В работе «Путь жизни» Толстой пишет: «Познать бога можно только в себе. Пока не найдешь его в себе, не найдешь его нигде» (*ПСС*, т. 45, с. 60). И дальше: «Чувствовать бога в себе

себя. Этот поиск не имеет завершения, самое главное в нем – постоянное движение, утраты и обретения, и в то же время парадоксальное тождество процесса и результата²¹, происходящее здесь и сейчас, поскольку «наибольшее сближение с Богом это наибольшее сосредоточение в настоящем. И наоборот»²².

К этому познанному и непознаваемому, близкому и недостижимому Богу Толстой стремился на протяжении всей своей жизни:

Что такое Бог? Зачем Бог? Бог это неограниченное все то, что я знаю в себе ограниченным: я тело ограниченное, Б[ог] тело бесконечное; я существо, жившее 63 года, Б[ог] существо, живущее вечно; я существо, мыслящее в пределах моего понимания, Б[ог] существо, мыслящее беспредельно; я существо, любящее иногда немного, Б[ог] существо, любящее всегда бесконечно; я часть, Он все. Я себя не могу понять иначе, как частью Его²³.

И об этом же были последние слова Толстого за несколько дней до смерти: «Бог есть то неограниченное Все, чего человек сознает себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве»²⁴. Обретенное в вере «я» оказывается частью бесконечности, которая едина с Богом в той мере, в какой человек ощущает Бога в своей душе²⁵.

можно и нетрудно. Познать же бога, что он такое, – невозможно и ненужно» (там же, с. 68).

²¹ «Моисей говорил Богу: “Где я найду Тебя, Господи?” Бог ответил: “Ты уже нашел Меня, когда ищешь Меня”» (Л.Н. Толстой, «На каждый день (1906–1910). Часть вторая. 3 сентября», в: *ПСС*, т. 44, с. 136.

²² Л.Н. Толстой, «Дневник и записные книжки 1890 г.», в: *ПСС*, т. 51, с. 46.

²³ Л.Н. Толстой, «Дневники 1891–1894. 12 августа 1891 г.», в: *ПСС*, т. 52, с. 48–49.

²⁴ Л.Н. Толстой, «Дневник для себя. 31 октября 1910 г.», в: *ПСС*, т. 58, с. 143.

²⁵ Такое понимание Бога многими критиками Толстого часто определялось как пантеизм. В частности, В.В. Зеньковский писал об этом так: «Да, бессмертие есть проблема личности – с этого начал и с этого никогда не сходил Толстой; но в своем увлечении пантеизмом он признал бессмертным то, что в личности выступает как безличное, универсальное, божественное» (В.В. Зеньковский, «Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого», в: *Л.Н. Толстой: Pro et contra*, с. 517. Следует заметить, что это высказывание является типичным примером интерпретации взглядов Толстого в терминах совершенно иной философской традиции с использованием устоявшейся терминологии при игнорировании особенностей его собственной позиции.

ИСТИНА ХРИСТИАНСТВА

По признанию самого Толстого, к новому религиозному сознанию его привело ощущение полной утраты смысла жизни и страх смерти, многократно пережитые им на пути к вере и отчасти связанные с эпизодами, подобными «арзамасскому ужасу»²⁶. Это было не рассудочное признание отсутствия смысла жизни, не рациональный поиск его приемлемого объяснения, но

чувство всего существа. Разница – признать умом или быть приведенным к пропасти и ужаснуться, увидав ее. Мне кажется, что только это одно приводит к истинной непоколебимой вере: только изведав гибельность *всех* путей, кроме единого истинного, непоколебимо станешь на истинном²⁷.

Следующим шагом на пути к «истинной непоколебимой вере» было убеждение в том, что в разнообразных церковных истолкованиях христианства нет истины, потому что христиане почти с самого начала разделились между собой, и у каждой стороны появилась потребность «утверждать свою истинность, приписывая себе непогрешимость»²⁸. Но для Толстого истина – если она действительно истина – должна была быть единой для всех. Соответственно, если каждая церковь считает свою истину единственной, то это значит, что ни одна из них истиной не обладает:

Очевидно, что церкви одной никогда не было и нет, что церквей не одна, не две, а тысячи две, и что все друг друга отрицают и только утверждают, что каждая истинная и единая... В самом деле, тысячи преданий, и каждое отрицает, проклинает одно другое и свое считает истинным: католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, шекеры, мормоны, грекоправославные, староверы, поповцы, беспоповцы, молокане, менониты, баптисты, скопцы, духоборцы и пр., и пр., все одинаково утверждают про свою веру, что она единая истинная и что в ней

²⁶ Толстой весьма сдержанно описывал свои переживания в Арзамасе в письме С.А. Толстой от 4 сентября 1869 г.: «Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал... и никому не дай Бог испытать» (*ПСС*, с. 83, с. 167). Более красочное описание содержится в «Записках сумасшедшего» (*ПСС*, т. 26).

²⁷ Л.Н. Толстой, «Дневник, 24 октября 1889 г.», в: *ПСС*, т. 50, с. 161-162.

²⁸ Л.Н. Толстой, «Царство Божие внутри нас», в: *ПСС*, т. 28, с. 46.

одной дух святой, что глава в ней Христос и что все другие заблуждаются. Вер тысяча, и каждая спокойно считает себя одну святою²⁹.

Для того чтобы понять христианство, как уверился Толстой, надо изучать «только одно учение Христа, как оно дошло до нас, т. е. те слова и действия, которые приписываются Христу»³⁰. В Дневнике от 21 июля 1910 г. Толстой, рассуждая о том, как следует воспринимать текст Евангелия, делает следующее замечание: «Читать надо Евангелие и все книги, признаваемые Св. Писанием, точно так же обсуживая их содержание, как мы обсуживаем содержание всех тех книг, которые читаем»³¹. Тщательное исследование христианского богословия во всем его многовековом разнообразии было не просто исследованием текстов – «это было мгновенное устранение всего того, что скрывало смысл учения, и мгновенное озарение светом истины»³².

Толстой постоянно повторял, что христианское учение «есть ясное, глубокое и *простое* (курсив мой – Е.С.) учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека»³³, и называл свою уверенность в простоте христианства «ужасной и радостной истиной»³⁴. Эта простота определялась тем, что истина христианства, понимаемая как любовь к Богу и к ближнему³⁵, есть положение, которое не требует никаких дополнительных разъяснений: «оно одно, потому что оно все»³⁶. Это учение заключается только

²⁹ Л.Н. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», в: *ПСС*, т. 24, с. 10-11.

³⁰ Л.Н. Толстой, «Краткое изложение Евангелия», в: *ПСС*, т. 24, с. 814.

³¹ Л.Н. Толстой, «Дневник. 21 июля 1910 г.», в: *ПСС*, т. 58, с. 82.

³² Л.Н. Толстой, «В чем моя вера?», в: *ПСС*, т. 23, с. 306.

³³ Л.Н. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», в: *ПСС*, т. 24, с. 7.

³⁴ Л.Н. Толстой, «В чем моя вера?», в: *ПСС*, т. 23, с. 357.

³⁵ «Любить Бога в себе значит стремиться к высшему совершенству любви, и любить Бога в других людях значит признавать в каждом человеке того же Бога, который живет во мне, и потому делать каждому человеку не то, чего сам хочешь, а чего хочет Бог, живущий во всех людях» (Л.Н. Толстой, «Единая заповедь», в: *ПСС*, т. 38, с. 108).

³⁶ Л.Н. Толстой, «Трудолюбие, или торжество земледельца (предисловие к произведению Т.М. Бондарева)», в: *ПСС*, т. 25, с. 470. Следует подчеркнуть, что «просто-та» Толстого была результатом глубокого знания современных ему критических исследований Нового Завета, прежде всего, трудов представителей Тюрингенской евангелической школы, основанной на применении исторического подхода

в том смысле, которое оно придает жизни, в нем нет никакой мистики, ничего таинственного и непонятного, но есть лишь уверенность в том, что только в этом случае жизнь может быть благом³⁷.

ЕДИНАЯ ЗАПОВЕДЬ

Единую истину христианства Толстой нашел в заповеди непротивления злу насилием, которую ему пришлось открывать как нечто новое «после 1800 лет исповедания Христова закона миллиардами людей, после тысяч людей, посвятивших свою жизнь на изучение этого закона»³⁸. Здесь не место подробно рассматривать учение Толстого о непротивлении. Для меня важно обратить внимание на то, *как* именно Толстой формулирует свое понимание не-насилия как главного содержания христианства:

Это было событие, подобное тому, которое случилось бы с человеком, тщетно отыскивающим по ложному рисунку значение кучи мелких перемешанных кусков мрамора, когда бы вдруг по одному наибольшему куску он догадался, что это совсем другая статуя; и, начав восстанавливать новую, вместо прежней бессвязности кусков, на каждом обломке, всеми изгибами излома сходящимися с другими и составляющими одно целое, увидал бы подтверждение своей мысли³⁹.

да к Библии – Ф. Баура, Д. Штрауса, Э. Ренана, Э. Рейса и др., которых он читал в оригинале. Толстой, подчеркивая тот факт, что в России столетняя европейская традиция библейской критики была мало известна из-за цензурных ограничений, в то же время был уверен в том, что изучать христианство без учета научных достижений – «все равно, что в прошлом столетии было говорить о солнце, вертящемся вокруг земли» (Л.Н. Толстой, «Краткое изложение Евангелия», в: *ПСС*, т. 24, с. 805). Кроме того, в своих исследованиях Евангелия Толстой использовал труды разнообразных авторов: англиканского богослова Ф. Фаррара, православного богослова Василия Гречулевича, немецкого исследователя Библии К. фон Тишендорфа и др. В целом, Толстой оценивал достижения ученых-библеистов весьма критически, называя их «людьми мнимой науки» (Л.Н. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», в: *ПСС*, т. 24, с. 403). В письме М.А. Новоселову в октябре 1886 г. Толстой писал о библейской критике: «Тот, кто в Евангелии не сумеет разделить сердцем основного, тот никаким изучением критики не узнает этого. А кто умеет отличать, тому не нужно» (*ПСС*, т. 63, с. 390-391).

³⁷ См.: Л.Н. Толстой, «Трудолюбие, или торжество земледельца (предисловие к произведению Т.М. Бондарева)», в: *ПСС*, т. 25, с. 470.

³⁸ Л.Н. Толстой, «В чем моя вера?», в: *ПСС*, т. 23, с. 335.

³⁹ Там же, с. 306.

Толстой пишет, что 39 стих из 5 главы Евангелия от Матфея стал для него ключом ко всему учению Христа и подчеркивает то, что для него явилось самым важным: «Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит *то самое, что говорит* (курсив мой – Е. С.)»⁴⁰. Поэтому, как был уверен Толстой, Евангелия не стоит истолковывать, но надо стараться понять именно так, как написано⁴¹. Это и есть та точка, в которой происходит обращение Толстого, после которого все прежние представления перестают иметь значение и происходит духовный переворот:

И стоило мне понять эти слова просто и прямо, как они сказаны, и тотчас же во всем учении Христа, не только в нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, все, что было запутано, стало понятно, что было противоречиво, стало согласно; и главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось в одно целое и несомненно подтверждало одно другое⁴².

Ненасилие тождественно любви, а любовь – это и есть Бог, и то единственное, что человек может знать о Боге⁴³. Вера Богу, живущему в душе человека и через учение Христа указывающему человеку на то, как он должен жить по воле Бога, есть единственное условие исполнения заповеди ненасилия⁴⁴. Для исполнения этой заповеди, уверен Толстой, не требуется сверхъестественная помощь, она вполне по силам человеку⁴⁵, являясь ясным, определенным, важным и исполнимым правилом⁴⁶. Как пишет А.А. Гусейнов, «нет никакого иного способа преодоления насилия, кроме отказа совершать его, и ничто не может помешать человеку, осознавшему эту истину, следо-

⁴⁰ Л.Н. Толстой, «В чем моя вера?», в: *ПСС*, т. 23, с. 310.

⁴¹ «Для того, чтобы понять христианское учение, каково оно в действительности, нужно, главное, не толковать евангелий, а понимать их так, как они написаны» (Л.Н. Толстой, «Как читать Евангелие и в чем его сущность?», в: *ПСС*, т. 38, с. 113).

⁴² Там же, с. 311-312.

⁴³ См.: Л.Н. Толстой, «Письмо Е. Д. Поспеловой, 11 мая 1907 г.», в: *ПСС*, т. 77, с. 102.

⁴⁴ См.: Л.Н. Толстой, «Единая заповедь», в: *ПСС*, т. 38, с. 115.

⁴⁵ См.: Л.Н. Толстой, «В чем моя вера?», в: *ПСС*, т. 23, с. 313.

⁴⁶ См.: там же, с. 365. Это правило Толстой излагает так: «Не делать различия между своим и чужим народом и не делать всего того, что вытекает из этого различия: не враждовать с чужими народами, не воевать, не участвовать в войнах, не вооружаться для войны, а ко всем людям, какой бы они народности ни были, относиться так же, как мы относимся к своим» (там же, с. 366).

вать ей, если он решил сделать это»⁴⁷. Непротивление означает неделание различия между собой и всеми другими людьми, к какой бы вере, расе, народности и т.д. они не относились⁴⁸. Непротивление означает исполнение воли Бога⁴⁹, которая заключается в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними. Вера в заповедь любви делает человека способным к непротивлению злу насилием, а это возможно тогда, когда человек познает в себе Бога:

И познаем мы Его только той стороной, которой Он открывается нам. Открывается же Он нам любовью. Так что хотя и знаем мы Его далеко неполно, только одной стороной Его, той, которой Он открывается нам, мы несомненно знаем об Его существовании, и о том свойстве Его, которое мы сознаем в себе, и о том, чего Он хочет от нас⁵⁰.

В неотправленном письме Н.Н. Страхову, написанному в ноябре 1879 г., Толстой признавался:

В учении Христа я нашел одну особенную черту, отличающую его от всех учений. Он учит, толкует, почему смысл нашей жизни тот, кот[орый] он дает ей. Но притом всегда говорит, что надо исполнять то, что он говорит, и тогда увидишь, правда ли то, что он говорит⁵¹.

Это тождество веры и дел⁵² для Толстого вытекало из самой сути заповеди непротивления, в которой выражен весь смысл учения

⁴⁷ А.А. Гусейнов, «Философское наследие Л.Н. Толстого. Интервью Предрага Чичовачки», *Философский журнал*, 2018, т. 11, № 2, с. 12.

⁴⁸ См.: Л.Н. Толстой, «В чем моя вера?», в: *ПСС*, т. 23, с. 365.

⁴⁹ В письме А.В. Власову от 18 февраля 1900 г. Толстой пишет: «Но если мы будем держаться только того, что согласно с разумом каждого человека, а именно то, что пришли мы в этот мир не по своей воле и не по своей воле уйдем из него, а по чьей-то высшей воле, и что поэтому и жить нам надо в этом мире по той воле, которая привела нас в мир и выведет из него. Воля же эта, как нам говорит разум, в том, чтобы мы любили друг друга и поступали с другими так, как хотим, чтобы другие поступали с нами» (*ПСС*, т. 72, с. 318-319).

⁵⁰ Л.Н. Толстой, «Единая заповедь», в: *ПСС*, т. 38, с. 106.

⁵¹ Л.Н. Толстой, «Письмо Н. Н. Страхову. Ноябрь 1879 г.», в: *ПСС*, т. 62, с. 502.

⁵² «Вера есть сознание человека такого своего положения в мире, которое обязывает его к известным поступкам» (Л.Н. Толстой, «Что такое религия и в чем сущность ее?», в: *ПСС*, т. 35, с. 170).

Христа, поскольку непротивление подразумевало действие: замену зла и насилия добром и согласием⁵³:

Верит человек в необходимость насилия, религиозно верит, и такой человек будет совершать насилия не во имя благих последствий, которых он ожидает от насилия, а только потому что верит. Если же верит человек в закон любви, то он точно так же будет исполнять требования любви и воздерживаться от поступков, противных закону любви, независимо от каких бы то ни было соображений о последствиях, а только потому что верит и от того не может поступить иначе⁵⁴.

Но такое действие возможно, во-первых, только благодаря вере, которая есть единственная причина добрых дел, а добрые дела, в свою очередь, являются неизбежными последствиями веры⁵⁵. Поэтому «Нельзя спрашивать, что важнее: вера или добрые дела? Это все равно, что спрашивать: что важнее – солнце или свет его?»⁵⁶ Как отмечает А.А. Гусейнов, «вера совпадает с тем, что делает человек. Она развернута в его поступках, представляет собой некую нить, на которую нанизаны его поступки»⁵⁷.

Во-вторых, это действие непротивления является естественным, вытекающим из любви, ставшей силой жизни, которая указывает человеку, что и как он должен делать:

Люди, верующие в путь жизни, подобны, по изречению Христа, источнику воды живой, то есть бьющему из земли источнику. Вся их деятельность подобна течению воды, которая течет всюду, везде, несмотря на препятствия, задерживающие ее. Человек, верующий в учение Христа, так же мало может спрашивать, что ему положительного делать, как не может этого спрашивать источник воды, бьющей из земли. Он течет, напоая землю, траву, деревья, птиц, животных, людей⁵⁸.

Для того чтобы верить в Бога как в любовь, людям нужно только верить в то, что действительно существует, в то, во что нельзя не

⁵³ См.: Л.Н. Толстой, «Письмо Н. Крастину, 21 мая 1901 г.», в: *ПСС*, т. 73, с. 77.

⁵⁴ Л.Н. Толстой, «Неизбежный переворот», в: *ПСС*, т. 38, с. 94-95.

⁵⁵ См.: Л.Н. Толстой, «Исследование догматического богословия», в: *ПСС*, т. 23, с. 244.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ А.А. Гусейнов, «Философское наследие Л.Н. Толстого. Интервью Предрага Чичовачки», с. 11.

⁵⁸ Л.Н. Толстой, «Трудолюбие, или торжество земледельца (предисловие к произведению Т.М. Бондарева)», в: *ПСС*, т. 25, с. 471.

верить⁵⁹. Следование Богу в любви означает делание добра, которое дает человеку подлинную свободу и жизнь:

Тот, кто будет делать добро, тот познает истину, а кто познает истину, тот будет свободен от зла и от смерти. Потому что всякий, кто заблуждается, тот делается слугой своего заблуждения. А как слуга в доме хозяина не живет всегда, а сын хозяина всегда в доме, так и человек, если заблудился в жизни и делается слугой своих заблуждений, — не живет всегда, а умирает. Только тот, кто в истине, остается жив всегда. Истина же в том, чтобы быть не слугой, а сыном. Так что если будете заблуждаться, то будете слугами, несвободными, и умрете. А будете в истине, то будете сынами свободными и будете живы⁶⁰.

Толстой знает, что вера в любовь, не имеющую никакого внешнего образа, и почитание Бога, которое не определено никакой формой, временем и местом, большинству людей кажется чем-то неясным и даже сомнительным⁶¹. В то же время даже человеку, убежденному в истинности своей веры, трудно не усомниться в ней, «когда он узнает про то, как другие люди точно так же уверены в истинности своих вер и признают его веру ложною»⁶². Выход из этого противоречия, которое, как показано выше, разрушило, с точки зрения Толстого, истину церковного христианства⁶³, заключается в признании любви как одного предмета веры и единого принципа жизни, общего для всех людей:

Веруя во все это..., что бог есть любовь и что душа наша есть проявление его..., мы сходимся в вере с лучшими людьми всего мира, с мудрецами Китая, Индии, древней Греции, Рима и др. Веруя же в догматы *своей* церкви: в таинства, в иконы, мощи и чудеса, мы расходимся не только со всем человечеством, но со многими христианскими вероисповеданиями⁶⁴.

⁵⁹ См.: Л.Н. Толстой, «Единая заповедь», в: *ПСС*, т. 38, с. 110.

⁶⁰ Л.Н. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», в: *ПСС*, т. 24, с. 502.

⁶¹ См.: Л.Н. Толстой, «Единая заповедь», в: *ПСС*, т. 38, с. 104.

⁶² Там же, с. 105.

⁶³ «И мне, полагавшему истину в единении любви, невольно бросилось в глаза то, что самое вероучение разрушает то, что оно должно произвестись» (Л.Н. Толстой, «Исповедь», в: *ПСС*, т. 23, с. 53).

⁶⁴ Л.Н. Толстой, «Письмо иеромонаху Арсению, 28 мая 1907 г.», в: *ПСС*, т. 77, с. 118.

Человек, который признает любовь как такой общий для всех предмет веры, не может иметь никаких сомнений в ее истинности⁶⁵, а христианство, сосредоточенное на любви как основе жизни, совпадает с основными положениями всех религий и так же как и все эти учения является простым, понятным и немногосложным⁶⁶. Единая заповедь, основные положения которой одинаковы во всех вероисповеданиях в силу единства человеческой природы⁶⁷, по мысли Толстого,

определяет отношение человека к Богу, как части к целому; из этого отношения выводит назначение человека, состоящее в увеличении в себе божественного свойства; назначение же человека выводит практические правила из правила: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобою⁶⁸.

Именно это требует от людей вложенный в них Богом разум, который у всех людей один. Разум соединяет людей – близких и далеких, ушедших, живущих и еще не родившихся – в способности любить друг друга:

Так мы пользуемся всем тем, что произвел разум и Исайи, и Христа, и Будды, и Сократа, и Конфуция, и всех людей, живших до нас и веривших разуму и служивших ему. Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою, не мсти людям, делающим тебе злое, а плати добром за зло, будь воздержен, целомудрен, не только не убивай людей, но не гневайся на них, соблюдай мир со всеми, и мн[огое] др[угое], все это произведения разума и все это проповедовалось одинаково и буддистами, и конфуцианами, и христианами, и таосистами, и мудрецами греческими и египетскими, и всеми добрыми людьми нашего времени⁶⁹.

ОДИНОЧЕСТВО В ВЕРЕ

Н.О. Лосский писал: «В условиях человеческой жизни, бесконечно малой части бесконечно большого мира, осуществление

⁶⁵ См.: Л.Н. Толстой, «Единая заповедь», в: *ПСС*, т. 38, с. 105.

⁶⁶ См.: Л.Н. Толстой, «Что такое религия и в чем сущность ее?», в: *ПСС*, т. 35, с. 190.

⁶⁷ «У всех вер одни и те же основы. И не может быть иначе – человек везде один» (Л.Н. Толстой, «Дневник, 13 февраля 1907 г.», в: *ПСС*, т. 56, с. 15).

⁶⁸ Л.Н. Толстой, «Что такое религия и в чем сущность ее?», в: *ПСС*, т. 35, с. 191.

⁶⁹ Л.Н. Толстой, «Письмо В. К. Заволокину от 17 декабря 1900 г.», в: *ПСС*, т. 72, с. 528.

свободы принадлежит к числу труднейших задач, поэтому тот, кто остро чувствует потребность свободы, ежеминутно испытывает страдания от столкновений с миром»⁷⁰. Эти слова в полной мере описывают другую сторону внутренней свободы Толстого в вере – сомнения в собственной искренности, потребность в обретении единомышленников, разочарование в своих надеждах и чувство бесконечного одиночества. Толстой с самого начала стремился удостовериться в подлинности мотивов, подвигавших его к публичному высказыванию своих убеждений, опасаясь тщеславия, гордости и самообмана⁷¹. Он прекрасно осознавал опасность смешения двух мотивов – деятельности для Бога и для мирской славы, поскольку очень сложно провести границу между ними: «Иногда бывает, что думаешь, что веришь в то, во что не веришь, а иногда наоборот – думаешь, что не веришь в то, во что веришь»⁷². Он признавался в недостатке близких людей, разделявших его веру, желая передать на суд единоверцев свои убеждения⁷³. Он постоянно искал примеры истинной веры среди огромного множества людей, с которыми общался, очаровываясь ими и разочаровываясь в них⁷⁴. Он постоянно подчеркивал, что у него не было никакого собственного учения, отличного от учения Христа⁷⁵, которое, в свою очередь, будучи движением от человека к Богу, не содержит и не может содержать никаких определенных законов и правил и перед которым были равны «всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства»⁷⁶.

Есть множество свидетельств того изумления и негодования по поводу взглядов Толстого после его обращения как у близких к нему, так и у далеких от него людей. А.А. Толстая, близкий друг и в

⁷⁰ Н.О. Лосский, «Нравственная личность Толстого», в: *Л.Н. Толстой: Pro et contra*, с. 230. См. также: А. Зорин, *Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения*, М.: Новое литературное обозрение, 2020.

⁷¹ См.: Л.Н. Толстой, «Письмо В. И. Алексею от 15-30? ноября 1881 г.», в: *ПСС*, т. 63, с. 80.

⁷² Л.Н. Толстой, «Письмо Е.И. Попову, 16 сентября 1890 г.», в: *ПСС*, т. 65, с. 162.

⁷³ См.: Л.Н. Толстой, «Письмо В.Г. Черткову, 6-7 июня 1885 г.», в: *ПСС*, т. 85, с. 223.

⁷⁴ Хорошо известно о противоречивом отношении Л.Н. Толстого к движению толстовства. См. об этом: Е.Д. Мелешко, *Христианская этика Л.Н. Толстого*, М.: Наука, 2006; Charlotte Alston, *Tolstoy and His Disciples. The History of a Radical International Movement*, London, New York: I.B. Tauris, 2014.

⁷⁵ См.: Л.Н. Толстой, «Как читать Евангелие и в чем его сущность?», в: *ПСС*, т. 39, с. 114.

⁷⁶ Л.Н. Толстой, «Царство Божье внутри нас», в: *ПСС*, т. 28, с. 79.

то же время противник религиозных взглядов Толстого, дала ему такую характеристику: «Он искал Бога, но без смирения, и нашел только себя, то есть какой-то новый, уродливый кодекс, им выдуманый, и которым он дорожит и *гордится* именно потому, что он выработал его сам»⁷⁷. О. Иоанн Кронштадский, непримиримый противник Толстого, писал о нем так: «Я, и никто, кроме меня, – мечтает Толстой. – Вы все заблуждаетесь; я открыл истину и учу всех людей истине!»⁷⁸ М.А. Новоселов, сначала последователь, а затем суровый критик, обращаясь к Толстому, выдвигал против него следующее обвинение: «Ваш Бог есть только Ваша идея, которую Вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону в течение двух десятилетий. Вы никак не можете выйти из заколдованного круга собственного “я”»⁷⁹. 15 июня 1881 г. обер-прокурор Священного синода К.П. Победоносцев в послании к Толстому по поводу его просьбы о прощении убийц императора Александра II писал: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос – не Ваш Христос»⁸⁰. Графиня Софья Андреевна Толстая, жена Льва Николаевича, писала по поводу споров с ним об издании его произведений: «Мне казалось, что Богу, такому, в которого верила я, не могло быть дела до того, продаю ли я сочинения Толстого или Сытин и Суворин»⁸¹.

Выше уже говорилось о том, что Толстой пришел к своему пониманию веры после того, как удостоверился в бесполезности следовать чьим бы то ни было путем. Безусловно, он прекрасно знал о том, какие бурные чувства вызывали его взгляды у некоторых людей и не мог оставаться к этому равнодушным:

Весь смысл моих писаний тот, что я высказываю *свою*, свою личную веру... Я часто удивляюсь раздражению, к [оторое] вызывает мое испо-

⁷⁷ А.А. Толстая, «Письмо С.А. Толстой, 19 июля 1882 г.», в: *Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка 1857–1903*, М.: Наука, 2011, с.

⁷⁸ О. Иоанн Кронштадский, «Ответ на обращение гр. Л.Н. Толстого к духовенству», в: *Л.Н. Толстой: Pro et contra*, с. 367.

⁷⁹ М.А. Новоселов, «Открытое письмо графу Л.Н. Толстому от бывшего единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода (1901)», в: *Л.Н. Толстой: Pro et contra*, с. 381.

⁸⁰ Письмо К.П. Победоносцева Толстому цитируется по: Л.Н. Толстой, *ПСС*, т. 63, с. 59.

⁸¹ С.А. Толстая, *Моя жизнь*, т. 2, М.: Кучково поле, 2017, с. 134.

ведание веры... Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни – либералы и эстетика считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие – революционеры, радикалы считают меня мистиком, болтуном; правительственные люди считают меня зловерным революционером; православные считают меня дьяволом. – Признаюсь, что это тяжело мне⁸².

Тем не менее, как справедливо подчеркивает А.А. Гусейнов, Толстой «ни в коем случае не мог бы согласиться с тем, что его суждения имеют статус мнения, являются одной из точек зрения»⁸³. Причины этому, по крайней мере, две: во-первых, Толстой был совершенно убежден в том, что его личный путь в вере при всей своей уникальности был в то же время универсальным. Он писал об этом так: «Я так твердо уверен в том, что то, что для меня истина, есть истина всех людей, что вопрос о том, когда какие люди придут к этой истине, мне не интересен»⁸⁴. Универсальность была фундаментальным качеством его веры, поскольку бесконечное, присутствие которого человек посредством веры ощущает в своей душе и частью которого является, едино для всех. Эта уверенность в универсальном смысле веры в жизни людей постоянно укреплялось и расширялось до масштабов всего человечества по мере того, как Толстой убеждался в том, что в своем толковании Евангелия как ответа на вопрос о смысле жизни он был не одинок:

Этот самый ответ на вопрос жизни более или менее ясно высказывали все лучшие люди человечества и до и после евангелия, начиная с Моисея, Исаии, Конфуция, древних греков, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всех тех, часто незаметных и непрославленных людей, которые искренно, без взятых на веру учений, думали и говорили о смысле жизни⁸⁵.

⁸² Л.Н. Толстой, «Письмо А.А. Толстой, 1884 г.», в: *ПСС*, т. 63, с. 201.

⁸³ А.А. Гусейнов, «Философское наследие Л.Н. Толстого. Интервью Предрага Чичовачки», с. 10.

⁸⁴ Л.Н. Толстой, «Письмо В. Г. Черткову, 19 мая 1884 г.», в: *ПСС*, т. 85, с. 60. В письме священнику В.И. Владимирову от 22 декабря 1903 г. Толстой говорит: «Ведь если бы я веровал во что-нибудь выдуманное мною, я бы понимал увещания о том, чтобы я не верил своим выдумкам, а признал бы то, что признано и признается всем миром. Но ведь я именно верю в то, во что верит весь мир и верите вы, – верю в бога-отца, пославшего меня в мир для того, чтобы я исполнял его волю» (*ПСС*, т. 74, с. 263).

⁸⁵ Л.Н. Толстой, «Христианское учение», в: *ПСС*, т. 39, с. 119.

Единство религий заключается в принципе, который управляет отношениями между людьми, а не в конкретном содержании вероучений, которое может быть сколь угодно различным. Именно это – а не свое исключительное право на владение истиной – страстно отстаивал Толстой, когда писал: «Я не говорю, что я один в истине и что все верующие иначе заблуждаются, но прошу и всех других относиться ко мне так же»⁸⁶.

Во-вторых, поскольку вера и дела, согласно Толстому, тождественны, как это показано выше, то с момента обретения веры он воспринимал свою деятельность как миссию, считая для себя невозможным не высказываться о вере публично из опасения быть неверно понятым и вступить в конфликт с «царствующей верой»⁸⁷. Поскольку каждый человек, следующий Христу как посланнику истины тоже должен быть посланником⁸⁸, постольку, подобно летящему камню, человек должен стремиться к цели и радоваться тому, «что он летит, и знает, что сам он ничто – камень, а все его значение в этом полете»⁸⁹. Эта посланническая миссия была основана на уверенности в сущностном единстве всех людей, вследствие чего увеличение веры одного человека оказывается условием увеличения ее у всех людей⁹⁰. Ссылаясь на Лао-Цзы, Толстой писал: «Для того, чтобы достигнуть великого, человек должен делать малое; но верить, что в этом малом спасение не только его, но всего мира; ... Нужно верить в огромность этого дела»⁹¹.

ВЕРА КАК СВОБОДА

Толстой прошел большой и сложный путь в вере – от мечты об основании собственной религии через страстное отрицание общепринятых представлений о вере, через неприятие людей, которые были с ним не согласны, к твердой убежденности в том,

⁸⁶ Л.Н. Толстой, «Письмо М. М. Дондуковой-Корсаковой, 31 августа – 1 сентября? 1909 г.», в: *ПСС*, т. 80, с. 83.

⁸⁷ Л.Н. Толстой, «Письмо А. А. Толстой, 1884 г.», в: *ПСС*, т. 63, с. 200.

⁸⁸ См.: Л.Н. Толстой, «Письмо В. Г. Черткову, 30 января – 3 февраля 1885 г.», в: *ПСС*, т. 85, с. 136.

⁸⁹ Л.Н. Толстой, «Письмо Н. Н. Ге (сыну), 4 февраля 1885 г.», в: *ПСС*, т. 63, с. 207.

⁹⁰ См.: Л.Н. Толстой, «Дневник 1894 г., 21 апреля», в: *ПСС*, т. 52, с. 116.

⁹¹ Л.Н. Толстой, «Письмо В. Г. Черткову, 21 сентября 1893 г.», в: *ПСС*, т. 87, с. 223.

что истинная вера подразумевает терпимость по отношению к другим верам. Он пришел к этому после соприкосновения с невероятным количеством людей, как понимающих и принимающих его убеждения, так и совершенно нетерпимых к ним. Он писал: «Я очень счастлив тем, что стал совсем по-настоящему веротерпим. И научили меня веротерпимые люди»⁹². В конце концов, он понял, что каждый человек имеет ту веру, которая соответствует его (ее) уму и сердцу, и поэтому невозможно требовать от людей, чтобы они верили по чьей-то указке. Кроме того, в том случае, когда вера является результатом исключительно индивидуального пути, очевидно, что преимущество свободы и независимости при трансляции этой веры другим людям оборачивается своей ограниченностью. Другими словами, тогда вместе с верой нужно транслировать и разделять индивидуальный опыт, а это вряд ли возможно. В Записной книжке Толстого от 11 февраля 1908 г. есть такие слова: «Никак нельзя внушить, передать другому религиозное мировоззрение... Можно тольк[о] дать материалы для образования своего мирозерцания, а брать из них, ч[то] ему нужно, будет брать он сам»⁹³. Вот что он писал об этом А.А. Толстой, которая много лет была одним из его основных оппонентов в споре о вере:

Истина эта давно всем известна, и я только недавно сердцем почувствовал ее, понял, как вера человека (опять если она искренна) не может уменьшить его достоинств и моей любви к нему. И с тех пор я перестал желать сообщать свою веру другим и почувствовал, что люблю людей совершенно независимо от их веры и нападаю только на неискренних, на лицемеров, к[оторые] проповедуют то, во что не верят⁹⁴.

Так какой же была вера Толстого?⁹⁵ В экзистенциальном смысле вера человека и есть сам человек, точка опоры, на которой строится вся жизнь человека и что дает ему возможность развиваться. У каждого человека такая точка опоры своя: «Все зависит от веса

⁹² Л.Н. Толстой, «Дневник от 13 марта 1903 г.», в: *ПСС*, т. 54, с. 163.

⁹³ Л.Н. Толстой, «Записная книжка, 11 февраля 1908 г.», в: *ПСС*, т. 56, с. 311.

⁹⁴ Л.Н. Толстой, «Письмо А. А Толстой, 21 февраля 1903 г.», в: *ПСС*, т. 74, с. 48-49.

⁹⁵ Подробнее об этом см.: Е. Степанова, «Вера Льва Толстого: тождество состояния и содержания», в: *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2020, № 2 (39).

его требован[ий] сердца и разума»⁹⁶. Вера есть единственное средство обретения своего подлинного «я»: «Вера это только сознание своего положения – своего положения не выше, а главное не ниже, не ничтожнее, чем оно есть»⁹⁷. Такая вера складывается из сложных, невыразимых словами духовных процессов, которые соединяют человека с Богом, и эта связь не допускает никакого постороннего вмешательства. Такая вера накладывает на каждого истинно верующего человека обязанность уважать искреннюю веру других людей и не вмешиваться в нее. «Если я когда отступал от этого правила, – пишет Толстой, – то я всем сердцем каюсь в этом и прошу прощения у тех, чувство которых я оскорбил этим»⁹⁸.

Сущность такой веры – это любовь как «надежный путь жизни»⁹⁹. Человек, «поверивший в свою божественную сущность» и идущий по этому пути, перенес свою жизнь в «область свободы и непрекращающейся радости»¹⁰⁰. В этой области бытия возможна свобода от страха смерти, и о ней можно сказать: «Я емь – никогда нигде не начинаюсь, никогда нигде и не кончаюсь»¹⁰¹.

Вера Толстого отличалась абсолютной завершенностью в том смысле, что все составляющие ее вопросы и ответы существовали и развивались в единстве друг с другом и в конечном счете сходились в одной точке. При этом ключевой особенностью этого схождения оказывается простота, поскольку состояние веры, будучи способом удерживания бесконечности в настоящем, может подразумевать только такое содержание, которое можно успеть проговорить в течение исчезающего мгновения этого настоящего. В Дневнике от 24 августа 1906 г. Толстой делает любопытную запись:

Вчера пришла поразившая меня мысль о том, что письмо, а тем более печать были главной причиной извращения истинной веры, раскрытой великими основателями религий ... Все большие религии распространялись устно. И мне кажется, что только так и может распространяться ис-

⁹⁶ Л.Н. Толстой, «Дневник 1910 г., 27 марта», в: *ПСС*, т. 58, с. 30.

⁹⁷ Л.Н. Толстой, «Письмо В. Г. Черткову, 23² Декабря 1889 г.», в: *ПСС*, т. 86, с. 281.

⁹⁸ Л.Н. Толстой, «Черновое письмо неизвестному адресату, 21 июня 1909 г.», в: *ПСС*, т. 79, с. 241.

⁹⁹ Н.О. Лосский, «Нравственная личность Толстого», в: *Л.Н. Толстой: Pro et contra*, с. 237.

¹⁰⁰ Л.Н. Толстой, «[Благо только для всех]», в: *ПСС*, т. 26, с. 643.

¹⁰¹ Л.Н. Толстой, «О жизни», в: *ПСС*, т. 26, с. 400.

тинная религия. И не столько устно, сколько не письмом, не печатью, а жизнью и частью жизни – устной проповедью... При распростран[ении] жизнью и устной проповедью проверка истины всегда в жизни проповедника, и всякая ошибка в слове, выражении проходит бесследно; остается его искренность, и она только служит истинным проводником¹⁰².

В то же время это содержание – любовь – есть «проявление божественной сущности, для которой нет времени, и потому любовь проявляется только в настоящем, сейчас, во всякую минуту настоящего»¹⁰³. Эту веру трудно зафиксировать в каком-то законченном виде, поскольку по своей сути она есть постоянное движение от себя к Богу, в котором нет и не может быть определенных законов и правил¹⁰⁴, а христианские заповеди «суть как бы заметки на бесконечном пути совершенства, к которому идет человечество»¹⁰⁵. Вера, к которой пришел Толстой, есть сама жизнь, точнее, неизбежное как дыхание условие жизни¹⁰⁶, «свобода жить в этом мире, как сыны, а не как рабы, – ... свобода жить настоящим»¹⁰⁷.

Для Толстого христианство как содержание веры есть воплощение свободы, потому что оно не может быть «предписано, а может быть только свободно усвоено»¹⁰⁸. Христианство есть истина, которая делает человека свободным¹⁰⁹, и в силу этого «свобода есть неотъемлемое свойство христианина»¹¹⁰. Христианин может подвергаться внешнему насилию, может быть лишен свободы, может быть не свободен от своих страстей, «но не может быть не свобо-

¹⁰² Л.Н. Толстой, «Дневник, 24 августа 1906 г.», в: *ПСС*, т. 55, с. 239-240.

¹⁰³ Л.Н. Толстой, «Путь жизни», в: *ПСС*, т. 45, с. 336.

¹⁰⁴ См.: Л.Н. Толстой, «Царство Божье внутри нас», в: *ПСС*, т. 28, с. 79.

¹⁰⁵ Там же, с. 80. О «богословии совершенства» Толстого см.: Р. Густафсон, *Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого*. О связи совершенства и свободы пишет М.Л. Гельфонд: «Если свобода для человека возможна только как самосовершенствование, к которому обязывает его содержание высшего морального закона его жизни, то сам этот закон является не чем иным, как законом свободы» (М.Л. Гельфонд, «Этика Л.Н. Толстого: дилемма свободы и закона», в: *Этическая мысль*, т. 15, М., 2015, с. 260).

¹⁰⁶ См.: Л.Н. Толстой, «Письмо А. Е. Алекину, 11 апреля 1909 г.», в: *ПСС*, т. 79, с. 155.

¹⁰⁷ Л.Н. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», в: *ПСС*, т. 24, с. 555.

¹⁰⁸ Л.Н. Толстой, «Царство Божье внутри нас», в: *ПСС*, т. 28, с. 146.

¹⁰⁹ «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8:32). Этот евангельский стих многократно упоминается и истолковывается Толстым.

¹¹⁰ Л.Н. Толстой, «Царство Божье внутри нас», в: *ПСС*, т. 28, с. 166.

ден в том смысле, чтобы быть принужденным какою-либо опасностью или какою-либо внешнею угрозою к совершению поступка, противного своему сознанию»¹¹¹.

Таким образом, богословие свободы Толстого основывается на следующих взаимосвязанных принципах: вера есть способ жить в перспективе бесконечности, которая освобождает человека от временности мира сего и тем самым от страха смерти; христианство делает человека свободным, поскольку основывается на единственной истине – любви как сущности Бога и человека; любовь является движущей силой свободы, поскольку только она избавляет человека от зависимости от всего внешнего и дает возможность жить, подчиняясь лишь внутреннему божественному закону.

---

¹¹¹ Л.Н. Толстой, «Царство Божье внутри нас», в: *ПСС*, т. 28, с. 167.